

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ДИАЛОГУ

Евгений Александрович Ямбург,
директор Центра образования № 109,
член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук

• диалог «поверх барьеров» • религиозное сознание • духовное усвоение солидарности • этика души

Ломая копия вокруг модернизации образования, часто сводя её к решению прикладных, чисто технологических вопросов (информатизации, введению курсов основ современных экономических знаний, ЕГЭ и т.п.), мы, на мой взгляд, недостаточно оцениваем серьёзные сдвиги в сознании людей за истекшее двадцатилетие.

Двойной крах (коммунистической утопии и советской империи) до крайности обострил проблему идентичности. Мы уже давно не существуем в том качестве, что когда-то именовалось «новая историческая общность людей — советский народ». Вопрос «кто мы и откуда, когда от всех тех лет остались пересуды, а нас на свете нет?» (Б. Пастернак) породил естественное стремление обратиться к своим национальным и религиозным корням. Стремление тем более понятное, что очень быстро выяснилось: **ни один прикладной вопрос, будь то техническая модернизация или построение цивилизованного рынка, не может быть решён в условиях, когда разрушена шкала нравственных ценностей: «Ценностей незыблемая скала».** (О. Мандельштам) Рынок вне нравственности превращается

в кошмар, где все обманывают всех, стремление построить сильное правовое государство наталкивается на тотальную коррупцию и т.д.

Но ценности, как показал опыт тысячелетий, не могут быть удержаны, если они не опираются на святыни. Двадцатый век с его потоками пролившейся крови беспощадно выявил кризис автономной безрелигиозной морали. Ещё один аргумент в пользу знакомства вступающих в жизнь поколений с мировыми религиями.

Но весь вопрос в том, кто и как это делает. Не так давно ко мне в школу привели девочку-пятиклассницу. Семья переехала в Москву из того региона, где уже ведётся преподавание основ православной культуры. С девочкой состоялся прелюбопытный разговор.

— Евгений Александрович, какое счастье, что мы православные.

— Нет возражений.

— Но если бы Вы знали, как я ненавижу католиков.

— Чем же они тебе так насолили?

— Но как Вы не понимаете? Они же молятся примадонне.

— Дочка, примадонна — это Алла Борисовна Пугачёва. Католики молятся мадонне, а православные — Божьей Матери. Между прочим, это один и тот же человек.
— Разве?

Кто-то уже успел отравить душу ребёнка ненавистью. Предметом ненависти стала одна из христианских (!) конфессий. Представляю её отношение к исламу, с учётом нашего преимущественно евроцентричного образования и эксцессов на Северном Кавказе. Не скрою, меня больше порадовало высказывание юноши, увлечённого компьютерами: «Я догадался: Бог — один, провайдеры разные».

Почему нельзя продолжать любить своё и при этом не стремиться увидеть в другом ад? Школа — это место, где мы должны усиливать то, что объединяет, а не разъединяет людей. Вот почему я против расселения детей по конфессиональным признакам в рамках одного образовательного учреждения.

Католический монах Энтони де Мело пишет: «Есть четыре вида веры. Это подобно тому, если бы кто-то указывал пальцем на Луну, и стоящие вокруг люди разделились бы по такому признаку.

Первые начали поклоняться этому пальцу.

Вторые всю жизнь стали сосать этот палец.

Третьи выкололи бы этим пальцем себе глаза. Это слеповерующие.

И только четвертые смотрели бы не на палец, а туда, на что указывает палец.

Этих объявляют еретиками, сжигают и распинают».

К числу последних я отношу Хазрат Инаят Хана. Его книгу «Очищение ума» попросил меня в качестве первого читателя прокомментировать Д.Д. Зуев, издающий замечательную серию «Библиотека гуманной педагогики». В настоящее время она готовится к из-

данию. По мере изучения, не скрою, сложного и необычного текста, я пришёл к выводу, что познакомиться с ним необходимо всем тем, кто, не ведая сомнений, включился в эксперимент по преподаванию основ православной, мусульманской, иудейской культуры, вне зависимости от конфессиональных предпочтений.

Для начала несколько слов об авторе. Хазрат Инаят Хан (1882–1927), индийский философ, педагог и музыкант. Принадлежит к одному из мало знакомых у нас течений ислама — суфизму. Суфизм — это религиозная философия, наложившая яркий отпечаток на весь духовный уклад Востока. С октября 1913 года по май 1914-го жил в Москве. Здесь он давал лекции-концерты. Их посетителями были А. Скрябин, В. Иванов, С.Л. Толстой. Много путешествовал по миру. Будучи индийским философом, он в то же время был европейски образованным человеком.

Педагогические позиции Хазрат Инаят Хана неотделимы от его мировоззрения. Вот почему следует обратиться к истокам, питающим его взгляды на воспитание, — к суфизму. Но было бы с моей стороны в высшей степени самонадеянно и бес тактно, если бы я взялся рассуждать о тонких вопросах исламского богословия. Надо всю жизнь заниматься Кораном, знать мир ислама и труды его выдающихся богословов, чтобы получить право на своё слово в этой многообразной области знания, мистических озарений, высокой поэзии и страстной веры. Такую ответственность я взять на себя не могу. Но мне кажется, нам всем будет бесполезно поразмышлять о тех общечеловеческих ценностях и смыслах, которые отчётливо прослеживаются в текстах Инаят Хана и опираться на которые может любой педагог, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности.

Таким образом, всё нижеследующее можно рассматривать как попытку предложить ключ к пониманию первого раздела книги Инаят Хана. Попытка эта сопряжена

с целым рядом трудностей и сложностей, о которых считаю своим долгом предупредить читателей.

Комментировать откровения просветлённого мудреца — задача неблагодарная во всех отношениях. Ибо недаром сказано: «Кто имеет уши слышать, да слышит!». (Мф., 25;30). Проблема в том, что человеку, возвращенному на европейских традициях рационализма и позитивизма, мучительно трудно услышать. Иными словами, преодолевая ментальные препятствия, открыть для себя совсем другой мир, где в основе познания не научные факты и их интерпретация, а откровение и интуиция; где инструментами приближения к истине служат, не опыт пяти чувств, эксперимент и обобщение, а созерцание, медитация и молитва.

Кроме того, эзотерика, как правило, не вербализуется, что в равной степени характерно для мистиков любого толка: суфиев, буддистов дзен, последователей Лао Дзы. В европейской культуре эта беспомощность слова отчеканена в строках Тютчева: «Мысль изречённая есть ложь». Домолчаться до Бога — путь посвящённых!

Конечно, всё, что удастся сказать мне, «первому читателю» Инаят Хана, будет **неизбежным упрощением**. Ибо в его трудах многое заключено в том едва уловимом, что находится между словами, в тончайшем повороте мысли, неожиданном образе и сравнении. Но промолчать о книге нельзя. Почему?

Во-первых, таково требование нашего накалённого страстями времени. Стараниями фанатиков фундаментализма всех мастей и толков между исламом и христианством возводится железобетонная стена. Вспышки террора только усиливают взаимные страхи и подозрения. *Сегодня, как воздух, необходим диалог.* Но с кем? Догматики со стеклянными глазами к диалогу не способны.

К счастью, во всех мировых религиях существуют течения, в которых живой дух учения выше мёртвой буквы, где находятся люди, способные почувствовать высшую правду в словах Спасителя: «суббота для человека, а не человек для субботы». (Мк., 2;27). К числу их относятся христианские мистики

(Мейстер Экхард, Якоб Беме), православные иссихаты, буддистские и индуистские авторы, исламские суфии, среди которых — Хазрат Инаят Хан. Все они имели **непосредственный опыт** Богообщения. Познание Бога через самопознание; приобщение к истокам глубинной мудрости свойственны в православной традиции русскому старчеству, в иудейской — хасидизму, в мусульманской — суфизму. На этих воздушных путях возможен межконфессиональный диалог «поверх барьеров», в основе которого лежит признание того, что **все мировые религии содержат общие сердцевинные ценности**.

Во-вторых, диалог по вопросам, требующим особой деликатности и такта, это медленное продвижение по тонкому льду. Одно неловкое движение — и тебя затягивает водоворот страстей, поглощает пучина взаимных обид.

По окончании курса суфизма муршид (учитель) благословил Инаят Хана словами: «Ступай, дитя моё, в мир, соедини Восток и Запад гармонией твоей музыки, распространяй мудрость суфизма...». Инаят выполнил данный ему завет: шаг с Востока на Запад был им сделан. Предпринимались ли встречные усилия?

Почти весь девятнадцатый век прошёл под гипнозом представлений, сформулированных в 1889 г. в стихах Р. Киплинга: «...Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» (Замечу в скобках, что поэт всё-таки оставляет возможность встречи Запада и Востока — но когда? В некоем неразличимом, эсхатологическом будущем: «Пока не предстанет Небо с Землёй на Страшный Господень суд».) Его же представления о бремени белого человека, несущего цивилизацию якобы отсталым культурам, во многом предопределили будущие катаклизмы и пожары двадцатого столетия.

Но уже в прошлом веке появились мыслители, стремившиеся синтезировать мудрость Запада и Востока: Блаватская, Штайнер и Рерих. Можно ли признать предпринятые попытки удачными? Едва ли, несмотря на то, что все эти люди выдающегося ума, тонкой душевной организации, подлинны рыцари духа.

Тем не менее, в их встречном движении сохранилась, как сказали бы сегодня, системная ошибка, имя которой — религиозная эклектика. Дерзновенное стремление соединить несоединимое — голову овцы с туловищем быка — привело к созданию теософии (Блаватская), антропософии (Штайнер) — учений, которые увлекли и продолжают сегодня увлекать людей, но достаточно часто вызывают разочарование. В самом деле, сомнительными выглядят попытки сплавить воедино христианство и веру в реинкарнацию (переселение душ).

Стоит ли удивляться, что такие подходы вызвали неприятие представителей традиционных религий и рассматривались ими как еретические. Кроме того, не следует забывать: подлинная вера меньше всего зиждется на интеллектуальных построениях, она затрагивает глубокие ментальные эмоции человека.

Да, теоретически путь к истине может быть разным, но его выбор всегда пристрастен. В предельно-парадоксальной форме это выразил Ф.М. Достоевский: «Если выяснится, что Христос вне истины, а истина вне Христа, я останусь с Христом, а не с истиной». Это, повторяю, парадокс, хотя бы потому, что Достоевский прекрасно сознавал непреходящую истину и красоту Евангелия. Между тем, духовно-воспитательная цель у всех мировых религий одна — достижение идеала совершенства. Этот идеал в исламе называется *наджат*, в буддизме — *нирвана*, в христианской религии — *спасение* и в индуизме — *мукти*. Человек, апеллирующий исключительно к рассудочно-му сознанию, ищет в религии оборону от

опасности. Ему не важен идеал совершенства. Важна безопасность, а способы её достижения дело вкуса. Отсюда в среде интеллигенции до сих пор довольно часто встречаются люди, чьи религиозно-нравственные искания причудливо сочетают в себе, например, христианство и йогу, магизм и единобожие. Но подлинная вера, как уже отмечалось выше, опирается, прежде всего, на религиозные чувства. На мой взгляд, это точно выразил современный поэт Тимур Кибиров:

Их-то Господь — вот какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Вслед за собой правоверных строй!
И меч полумесяцем над головой,
А конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то — гляди, сынок, —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь — он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то — уввы, сынок, —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у этих Господь — ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Вкруг трона его весёлой гурьбой
— Эван эвэз! — пляшет род людской.
Быть может, и мы с тобой.
Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок, —
Но наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.
Навстречу со страшной смертью своей,
Навстречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрячется ей!

Человек, всем своим существом принимающий слова Спасителя: «Я есмь путь

и истина и жизнь» (Ин., 14;6), едва ли избежит иной путь. Вера, основанная на сердечном влечении, отстаивает свой полюбившийся идеал совершенства и нередко, к сожалению, противопоставляет его всем другим.

Да, суфии не чувствуют вражды и предубеждения к представителям какой-либо религии, признают, как это сказано в Коране, божественную мудрость Авраама, Моисея, Иисуса, но при этом считают их пророками, лишь подготовившими приход Мухамеда: «Им была исчерпана цель пророческой миссии. Это определение (Нет Бога, кроме Бога) есть ясное изложение всех религиозных и философских систем в самой популярной и законченной форме. После этого божественного послания нет уже никакой необходимости в новых пророках, ибо своим пантеизмом оно сообщило религии демократический дух». (Инаят Хан) Христианин, даже при глубочайшем почтении к словам апостола Павла: «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор., 3;6), эту позицию Инаята разделить не может, ибо в противном случае он должен был бы подвергнуть коренному пересмотру основы своего вероучения. Поистине: не от всех букв и форм способно отказаться любящее сердце.

Пишу об этом, дабы предостеречь неискушённого читателя от упрощённых представлений о межконфессиональном диалоге. Политкорректность и толерантность затрагивают лишь поверхностный слой человеческих взаимоотношений; они, безусловно, необходимы, как техника безопасности в многонациональных и поликонфессиональных государствах и сообществах. Но надеяться только на эти инструменты примерно то же, что всерьёз воспринимать действенность призыва кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно». Попытки создать новые квазирелигии на эклектической основе неизбежно проваливаются. Среди прочих к числу таких квазирелигий смело можно отнести преклонение перед какой-либо громкой идеей или государством. Вспомним в связи с этим одного из самых значительных религиозных мыслителей минувшего века Карла Барта, который в тексте Барменской теологической декларации 1934 г. в противовес набирающей влияние и силу немецкой национальной, иными словами — нацистской, церкви засвидетельствовал онтологическую невозможность принимать в качестве источника провозвестия

что-либо помимо Слова Бога. Разделяя его позицию, мы тем самым отвергаем любое «и», положительно сочетающее христианство и государство, христианство и патриотизм, христианство и нацию. Всякое выражение новой «высшей истины» неминуемо ведёт к измене Христу и христианству.

Так что же получается: подлинный диалог невозможен? И тогда прав индийский мистик Джидду Кришнамурти: «Вера неизбежно разделяет. Если у вас есть вера, если вы ищете безопасности под крылом своей особой веры, вы отделяете себя от тех, кто ищет безопасности в недрах какой-нибудь другой формы веры. Все организованные веры основаны на разделении, несмотря на то, что они проповедуют братство». Поиск безопасности всегда связан со страхами и фобиями; и современная, идущая вразнос цивилизация даёт для них основания. Хаос и ненависть нарастают повсеместно. На вызов глобализации, несущей в традиционные общества, опирающиеся на святыни, помимо удобств и комфорта, пошлую космополитическую цивилизацию, асимметричным ответом является рост фундаментализма.

В обнажённой форме дилемма выглядит следующим образом: не принимаете порнофильмы, однополую любовь и секшопы — облачайтесь в паранджу и побивайте камнями неверных жён (на Востоке). С другого берега: вы не разделяете принципы открытого общества — мы, западные люди, готовы вновь взять на себя «бремя белых». (Примечательно, что не так давно известная российская журналистка, работающая на либеральной(!) радиостанции, анализируя проблемы северного Кавказа, со страстью и напором призывала воспользоваться для восстановления равновесия рецептом Р. Киплинга.) И ошибается в его прочтении, ибо при всех жёстких формулировках оно всё-таки о помощи тем, кто тебя ненавидит. Здесь самое время обратиться к первоисточнику.

Несите бремя белых,
Несите бремя белых,
— И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридцать морей;
На службу к покорённым
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть — чертям.
.....
Несите бремя белых,
— Восставьте мир войной,
Насытите мир войной,
Насытите самый голод,
Покончите с чумой,
Когда ж стремлений ваших
Приблизится конец,
Ваш тяжкий труд разрушит
Лентяй или глупец.
.....
Несите бремя белых,
— Пожните все плоды:
Брань тех, кому взрастили
Вы пышные сады,
И злобу тех, которых
(Так медленно, увьи!)
С таким терпеньем к свету
Из тьмы тащили вы.
.....
Несите бремя белых,
— И пусть никто не ждёт
Ни лавров, ни награды,
Но знайте, день придёт
— От равных вам дождётся
Вы мудрого суда,
И равнодушно взвесит
Он подвиг ваш тогда.

В основе современных призывов восстановить пассионарность западного человека, несущего цивилизацию отсталым народам, всё тот же страх, сводимый к известной пословице: «С волками жить — по волчьей выть». Между тем уже давно исчерпаны источники энергии, питавшие энтузиазм вооружённых миссионеров девятнадцатого века, Запад перешёл к обороне, а попытки «восстановить мир войной» нигде никому не удаются. (Афганистан, Ирак, Северный Кавказ.)

Сведущие люди знают, что дьявол обычно предлагает две руки: не принимаешь глобализм — тогда бери фундаментализм, и наоборот. Но и то, и другое от лукавого. На мой взгляд, Инаят Хан несколько поторопился, заявив, что цель пророческой миссии исчерпана, а потому нет необходимости в новых пророках.

Напротив, сегодня, как никогда, требуется величайший прорыв Духа, в результате которого разлетающийся на осколки мир снова будет связан воедино Божественным узлом (метафора Антуана де Сент-Экзюпери из романа «Цитадель»). Интересно, что осознание необходимости такого прорыва мы находим в шейтской легенде, которую приводит в своей статье известный французский арабист Корбен. Это легенда о скрытом имаме. «Когда явится скрытый имам, он не даст никакого нового пророчества, но так объяснит все прежние пророчества, что исчезнет вражда между народами книги».

Когда этот прорыв произойдёт, не знает никто. А пока мы, в силу своих скромных сил, должны делать всё от нас зависящее, дабы не углублять пропасти между людьми, но, напротив, обучать той дисциплине, что по слову поэта именуется «святая наука расслышать друг друга». Мы — это учёные, священники, педагоги, все люди доброй воли. Поразительно, как советские штампы выхолащивали смыслы. (В советские годы «людьми доброй воли» назывались борцы за мир в его коммунистической версии.) Посему в эту категорию попадали и террористы, и западные левые интеллектуалы, их поддерживающие.

Между тем добрая воля работает на сплочение людей, злая — на их разделение. На мой взгляд, только злой волей можно объяснить стремление развести по конфессиональным квартирам учащихся четвёртых и пятых классов светских школ в рамках так называемого эксперимента по введению основ православной, мусульманской, иудейской культур и светской этики. Школа — единственное место, где собираются вместе

дети разных народов. (На память немедленно приходят слова известной советской песни: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живём...») Но одно дело — витать в облаках (жить мечтою), и совсем другое, осознавая свою ответственность за хрупкий мир, делать всё от тебя зависящее для его сохранения. Где, как не в школе, учить всечеловеческой солидарности?

Предлагаемая читателю книга расширяет по большей части европоцентрическое сознание современного российского учителя, даёт ему некоторые ориентиры. Судите сами. «Источник всех религий, — пишет Инаят Хан, — один и всегда один и тот же, хотя учения разных религий кажутся совершенно различными, несогласными друг с другом». Любопытно, как к той же мысли самостоятельно пришёл молодой человек, выразив её в современной форме: «Бог — один, провайдеры разные!» Развивая эту современную метафору, можно сказать, что выбор провайдера зависит от массы условий: места, времени, наличия близких каналов коммуникации и т.п. Но разве не то же утверждает Инаят? «Истина одна, но, представляясь человеческим взорам, принимает множество форм, причём разница в образах её возникает благодаря проявлению её в разных условиях. Её можно уподобить воде фонтана, которая бьёт вверх одной струёй, а вниз падает многими каплями в разное время и в разные места». Разумеется, никому не возбраняется, выбрав своего провайдера, считать его наилучшим. Как мы успели убедиться, Инаят не вполне свободен от превозношения своего пути к Богу, но его духовидение позволяет подняться над собственными пристрастиями.

«Мысль, что суфизм возник из ислама или из какой-нибудь другой религии, не безусловно верна, хотя суфизм и можно просто назвать духом ислама, так же как и чистой сущностью всех религий и философий. Поэтому суфии не чувствуют вражды или предубеждения к последователям какой-либо другой религии. Они способны сразу увидеть и оценить во всём самое лучшее, смотря через то нежелательное, с чем они могут придти в соприкосновение». (Выделено мной. — Е.Я.) Такая оптика, определяющая ракурс внутреннего зренья, сегодня необходима, как воздух. Что же касается чистой сущности всех религий и философий, то здесь позиция Инаята полностью совпадает с классической формулой Блажен-

ного Августина: «В общем единство, в спорном свобода, во всём любовь».

Это христианское по духу высказывание до сих пор не даёт покоя ревнителям жёсткой ортодоксии. Не так давно с изумлением увидел, как в популярном издании эту хрестоматийную цитату приводит доктор богословия, имеющий дьяконский сан: «В общем единство, во второстепенном свобода, во всём любовь». Искусшённый теолог не мог не знать первоисточник; следовательно, налицо лукавая подмена смысла, позволяющая кому-то, взяв на себя функции арбитра, отделять зёрна от плевел (главное — от второстепенного). Следующий шаг такого самозваного владельца дум очевиден: монополизация решений на дискуссии. Нет необходимости доказывать, что такая железобетонная позиция с порога отменяет возможность диалога. Так, ловкая замена всего лишь одного слова, незаметная неподготовленному читателю, выворачивает наизнанку все высказывание. (Проблема в том, что большинство из тех педагогов, которым вскоре предстоит «пуститься во все тяжкие» нового эксперимента, не имея опыта работы с теологическими текстами, вынуждены полагаться на интерпретаторов.)

Между тем в приведённом высказывании Блаженного Августина ключевые слова — любовь и свобода. В другом месте он пишет: «Возлюби Бога, и делай что хочешь». Что хочешь не в смысле: что хочу, то и ворочу. Такая примитивная трактовка относится не к свободе, а к своеволию. Напротив, подлинная любовь к Высочайшему освобождает от страхов и фобий — главных источников взаимной ненависти, даруя человеку полную свободу. На память приходят стихи поэта В. Н. Корнилова:

Что такое свобода? Это кладёшь утех
Или это забота о себе после всех.
Неподъёмное счастье, сбросив зависть
и спесь,
Распахнуть душу настежь, а в чужую
не лезть.

На тех же позициях Инаят Хан. «Любовь — это такое состояние ума, в котором он погружается в бытие объекта любви. Она порождает в любящем все человеческие качества, как то: предание себя воле Божьей, самоотверженность, покорность, доброту, нравственность, довольство, терпение, добродетель, спокойствие, мягкость, милосердие, сердечность, верность, благодарность, храбрость и т.д., благодаря которым человек приходит в состояние полной гармонии с Абсолютным. Она открывает ему дорогу для пути к высшей цели».

Ну и чем это отличается от послания Апостола Павла коринфянам? (1 Кор., 13; 1-8).

- «1. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.
2. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.
3. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы.
4. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,
5. не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,
6. не радуется неправде, а сорадуется истине;
7. всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.
8. Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Сопоставление двух текстов — суфийского и христианского — даёт непредвзятому читателю ясное представление об общих истоках, питающих великие мировые религии. Едва ли найдётся самый истовый ревнитель своей веры, отважившийся опровергать постулат «Бог есть любовь».

Но не зря отец А. Мень говорил: «Звездносы — все одинаковы», понимая под таковыми фанатиков догмы, идеи любого тол-

ка, светской или конфессиональной, не имеют значения. На словах никто, кроме отъявленных циников, не станет покушаться на «святая святых», но при этом будут выдвинуты сотни аргументов, найдутся тысячи резонов для того, чтобы обосновать нереалистичность вселенской любви в мире сем. В горнем, трансцендентальном — пожалуйста. А в мире, что во зле лежит, — никогда. Здесь держи ухо востро, чуть ослабишь бдительность — немедленно проиграешь, дашь пальчик — откусят руку по локоть. Реалии окружающей жизни лишь подтверждают обоснованность взаимных подозрений и упреков в неискренности. Отсюда — война символов: возводить или нет минареты в европейских городах, разрешать или запрещать ношение хиджаба девочкам в светских школах, сохранять ли в тех же школах висевшие там до сих пор католические распятия. В каждом конкретном случае на территории данной страны эти коллизии как-то разрешаются, немедленно порождая новые проблемы, часто не менее острые.

Я отнюдь не призываю закрывать глаза на суровую реальность: повсеместно большинством людей востребованы не тонкие духовные течения той или иной религии, а её упрощённые, порой варваризированные формы. В этом смысле ваххабиты и православные сталинисты друг друга стоят. Сила действия одних рождает противодействие других, гигантский маятник продолжает раскачиваться, увеличивая амплитуду колебаний, грозя разрушить хрупкое здание цивилизации. Совсем так, как в знаменитом фильме Феллини «Репетиция оркестра», где под обломками оказались музыканты симфонического оркестра, другими словами — наследники и хранители мировой культуры.

Не так давно знакомый священник, принадлежащий к старообрядцам, поделился со мной своей нарастающей тревогой, выразив её в следующей метафоре. «У меня такое ощущение, как перед наступлением цунами. Сначала тишина, море отступает,

и наивные взрослые вместе с детьми с радостью бегут собирать ракушки. А затем их всех накрывает гигантская волна».

В отличие от природных катаклизмов, волны ненависти поднимают и гонят хитроумные циники, разжигающее страсти в своих меркантильных или политических интересах, а за ними толпы людей, воспринимающих лишь упрощённые схемы, жаждущих окончательного решения накопившихся сложных проблем. (Большими мастерами окончательных решений национальных и социальных вопросов, как мы помним, были Гитлер и Сталин.) Мы живём в мире перепутанных понятий; необходимо, наконец, научиться различению духовности и клерикализма, Божьего стада и толпы фанатиков. Только неприятием стадности можно объяснить жёсткие стихи поэта Тимура Кибирова:

Разогнать бы все народы,
чтоб остались только люди,
пусть ублюдки и уроды,
но без этих словоблудий,

Но без этих вот величий,
без бряцаний-восклицаний.
Может быть, вести приличней
Мы себя немного станем?

Страшно пусть и одиноко,
Пусть уныло и постыло —
только бы без чувства локтя,
без дыхания в затылок.

Делаю необходимое уточнение: Тимур Кибиров — не какой-нибудь, говоря языком сталинских штампов, безродный космополит, а человек, всей душой принявший христианство, что очевидно из первого, приведённого в тексте, стихотворения. Но поэт глубоко осознаёт различие между совместной молитвой (Божье стадо) и коллективным погромом (толпа).

Путь к Богу — глубокий, личный выбор человека. Имя пути — любовь. Хазрат Инаят Хан идёт этой стезёй, в равной степени опираясь на традиции Запада и Востока.

«Любовь есть сокращение мира до единого существа и распространение единого существа даже до Бога». (Бальзак)

«Церковь, храм или Каабу-Камень,
Коран или Библию,
Или Кость Мученика — всё это
и больше того
Моё сердце может принять и вместить,
С тех пор как религия моя — Любовь».
(Абду-л-Лах)

Такому универсальному подходу стоит поучиться нам всем, пока остаётся малейшая надежда на то, что точка невозврата не пройдена, уповая на возможность спасения от цунами взаимной ненависти хотя бы собственных детей.

Вместить и принять сердцем всё: Библию и Коран, Храм и Каабу-Камень — не кроется ли за таким вселенским охватом беспринципная, равнодушная всеядность, размывающая основы любого вероучения? Ведь именно этого больше всего боятся ревнители чистоты, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Иными словами, можно ли оставаться верным своим святыням и принципам, не испытывая при этом ненависти к чужим?

Путь любви помогает справиться с этой проблемой, ибо решение её следует искать не в интеллектуальных построениях, на которых порой строятся спекулятивные толкования сложных религиозных текстов, а в сердце. И тогда выясняется, что стоит освятить чистым беспримесным светом любви даже собственные принципы. Без любви принцип, доведённый до конца, превращается в собственную противоположность. (Г. Померанц) К такому же выводу приходит в своей книге молодой православный священник Евмений (Перистый). Без любви бережливость превращается в жадность, справедливость, исключаяющая милосердие, ведёт к жестокости, принципиальность перерастает в фанатизм и т.п.

В этом же смысле следует толковать высказывание Инаят Хана: «Целое здание мира, внутри и вне, управляется силой любви, которая является иногда причиной, иногда — следствием». Для религиозного

человека первопричина всего — Бог, который есть любовь («Бог есть любовь». 1 Ин., 4:8). Сила любви ниспослана свыше как главная, но недостаточная предпосылка правильного управления миром. Недостаточная, ибо от человека требуются встречные усилия в том же направлении. Как только он их предпринимает, сила любви становится следствием напряжения доброй воли человека, стремящегося преодолеть барьеры, ей препятствующие. Если послание свыше не совпадает со встречными усилиями человека, гармония мира немедленно нарушается, происходит, как сказали бы сегодня, управленческий сбой, винить в котором человек может только себя самого.

Казалось бы, всё так просто и очевидно, но в мире сем именно самое простое является необычайно трудным. Требуются одновременно величайшее смирение и внутреннее озарение, чтобы осознать: истина и Бог выше всех наших слов и разделений. Об этом читаем у Мейстера Эхарда, утверждавшего, что внутреннее озарение даётся неизбежно тому, кто достигает отрешённости, чья личная особенная воля молчит. «Дух такого человека не может желать иного, чем желает Бог. И это не неволя его, это его собственная свобода. Ибо свобода — это наша несвязанность, ясность, цельность, чем мы были в нашем первом происхождении и чем стали освобождённые в Духе Святом». Немецкому мистиком вторит суфий.

«Возлюбленный есть всё во всё. Любящий только закрывает его».

«Возлюбленный — всё живущее. Любящий — мёртв».

Любящий закрывает его своей тенью, своим желанием. Он мёртв, ибо обожествляя некую отдельность — образ, форму, он обрывает нить, связывающую его сердце с целой Вселенной. Мудрец, достигший высот мистического озарения, свободен от превозношения своей любви. Отрешённость здесь не синоним безразличия, но смирение гордыни, боязнь закрыть (исказить) своей пусть даже

самой искренней и большой страстью предмет любви. В поэзии эту глубокую мысль по-своему выразила Э.А. Миркина. Для неё действительно возлюбленным является всё живущее:

Какое счастье быть никем!
О знали б вы, какое чудо
Всем сердцем быть везде и всюду
И быть родной всему и всем!

Какое счастье быть ничьей,
Как это небо, сосны эти,
И молча всей собой ответить
Разноголосице речей.

Какая это благодать — безмолвно выйти на
дорогу
И говорить лишь только с Богом,
Которого нельзя назвать
По имени... Что значит имя?
Иметь, имение... Бог с ними...

Для того чтобы «молча всей собой ответить разноголосице речей», одного интеллекта мало. «Интеллект — знание, получаемое через имена и формы; мудрость — знание, проявляющее себя только из внутреннего существа. Чтобы добыть знание, нужно погрязнуть в занятиях, но чтобы добыть мудрость, требуется только поток божественного милосердия. Это так же естественно как плавательный инстинкт у рыбы или полёт птицы». (Инаят Хан)

Будем откровенны, для большинства людей, не обладающих мистическим вдохновением, для тех, на кого не излился «поток божественного милосердия», более всего важны имена и формы; только опираясь на эти перила, они способны идти над бездной отчаяния и страха, сохраняя ценности и смыслы бытия. Люди страстно хотят иметь *своего* Бога, безраздельно распоряжающегося в *своём* имени, которое может носить разные наименования: каноническая территория православия, халифат и т.п. Но обожествление территории (почвы) — не что иное, как язычество, неизбежно ведущее к человеческим жертвоприношениям. Тут достаточно чуть-чуть сместить акцен-

ты, и мы немедленно от единобожия скатываемся к магизму.

Наличие на Руси величайших святых — факт неоспоримый, предмет исконной гордости людей, исповедующих православие, но Святая Русь — это уже заявка на сакральность территории, восхваление себя, триумфализм, мало совместимый с христианским смирением. Халифат, о создании которого грезят исламские экстремисты, — это ведь не стяжание благодати, не снискание царства Божия внутри себя, но территориальная претензия, сакрализация государства. Именно кровь и почву перевозносил в своём «Мифе XX века» главный идеолог фашизма Розенберг.

Бережное отношение к именам и формам религиозного сознания необходимо, но оно не исключает, а, напротив, предполагает абсолютную трезвость (именно о трезвости, *трезвлении* в молитве не устают напоминать святые отцы), развитие внутреннего слуха, позволяющего отделить в именах и формах боговдохновенное от примесей страстей человеческих. Сделать это крайне трудно по той причине, что часто в одном и том же массиве священных текстов мы встречаем то и другое.

Как известно, в деятельности Муххамеда было два периода: меккинский и мединский. Но в Мекке с людьми говорит пророк, а в Медине — основатель и руководитель государства, чьи высказывания во многом обусловлены политической конъюнктурой того времени, необходимостью решать насущные земные задачи. Как пишет глубокий знаток ислама профессор И. Гольдцигер («Лекции об исламе». СПб, 1912, стр. 11–12), «ко времени пребывания в Мекке относятся пророчества, в которых Магомет создание своего пламенного воодушевления передавал в речах, непосредственно изливавшихся из души и разукрашенных яркой фантазией». В Медине же «с разумным расчётом и соображением, с осторожным лукавством и знанием жизни агитирует он против внешних и внутренних врагов своих стремлений; он организует своих приверженцев, создаёт... гражданские и религиозные законы для крепнущей организации, правила жизненной практики» (Там же).

Отсюда в суре 5:48 читаем: «Так старайтесь же превзойти друг друга в деяниях добрых»

(Коран в переводе М. Османова. М., 1999). И ещё (аят 69 этой же суры): «Воистину, не следует бояться за тех, кто уверовал в Коран, а также за иудеев, сабеев и христиан — всех, кто уверовал в Бога и день Судный и кто творил деяния добрые — не будут опечалены они в мире загробном». (Там же). Но меняются целеполагания, меняются в соответствии с изменением обстановки отношения внутри арабских племён, изменяется ранее благожелательное отношение к людям Писания, евреям. Они теперь названы «нечестивцами» (3:109); в случае военных столкновений с *мусульманами* они обречены на поражение (3:111); им выносятся беспощадный приговор. «Постигнет их унижение, где бы ни находились они, разве что окажутся они под покровительством Аллаха и мусульман. Будут поражены они гневом Господним, и постигнет их бедность!» (3:112)

Но ведь и в христианских текстах Иоанна Златоуста мы можем узреть высказывания, которые иначе, чем откровенно антисемитскими не назовёшь: «С евреями, как с дьяволом, нельзя общаться, они хуже, чем все волки, вместе взятые...» Высказывание для исповедующих иудаизм оскорбительное, но, с другой стороны, вполне исторически объяснимое. Возникновение христианства — революция в религиозном сознании, разрушающая иудейскую ортодоксию. Отсюда ожесточённая полемика с обеих сторон и отсюда же стремление Златоуста во что бы то ни стало выйти победителем и утвердить христианство на развалинах иудаизма.

Толерантность и политкорректность рекомендуют обходить молчанием острые углы межрелигиозных отношений. Но стыдливое молчание, вызванное боязнью касаться «запретных» тем, приводит к тому, что именно запретный плод неизбежно падает в руки экстремистам любого толка. «Ага, вы намеренно утаиваете главную сокровенную суть вероучения, мобилизующую нас на отпор врагу, ясно и чётко обозначенному в священных текстах». Таков

накатанный механизм разжигания ненависти с опорой на признанные религиозные авторитеты. Вывод очевиден: богословы, учёные, педагоги должны делать всё от них зависящее, дабы отделять зёрна от плевел, иными словами, — помогать зачастую неискущённым взрослым и детям выделять то главное, что составляет сокровенную суть великих мировых религий, не утаивая при этом исторический контекст, где бушуют племенные страсти.

На мой взгляд, направление этой трудной работы просто и ясно выразил Инаят Хан: развивать способность увидеть самое лучшее, смотря через то нежелательное, с чем приходится сталкиваться. Но для того чтобы отличить лучшее от нежелательного, необходимо иметь некий метод различения. Его предлагал своим слушателям отец Александр Мень.

«Альтернативой Иисусу Христу является антихрист. Это дух, который действует в истории. Христос — это свобода, антихрист есть порабощение. Христос — это любовь, антихрист есть ненависть. Христос — это вселенскость, антихрист замыкается в групповом, клановом, национальном и так далее. Христос есть ненасилие, антихрист — насилие. Христос — истина, антихрист — ложь. Пользуясь этим методом, мы всегда можем угадать дух антихриста и его носителей». (Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. С. 82.)

Надеюсь, читатель уже смог убедиться в том, что Инаят Хан использует сходные критерии различения добра и зла, разумеется, с поправкой на конфессиональную принадлежность.

К самому лучшему в мировых религиях я отношу не только общие сердцевинные ценности, но и различные способы их трансляции: ритуальную обрядовую сторону, включающую таинство, слово и образ. Преступно разбивать алтари, разрушать выкованные тысячелетиями формы поклонения, отбирая у людей святых, тем самым лишая их привычной опоры. Своя высокая поэзия в псалмах и литургии, текстах Василия Великого, Иоанна Златоуста; своя божественная музыка у суфиев. Инаят Хан, судя по воспоминаниям современников, был выдающимся музыкантом. Среди суфиев он

не исключение, скорее правило. «Музыка называется у суфиев «Пищей души» (Гиза-и-Рух). Будучи высшим из искусств, она поднимает душу до высших областей духа. Будучи сама невидима, она скорее достигает областей невидимого». (Инаят Хан). И разве не такие чувства испытываем мы при исполнении древних иудейских песнопений, мессы Баха или «Херувимской» Бортнянского?

Митрополит киевский Платон (Городецкий) (1803–1891) остался в истории Русской православной церкви как выдающийся миссионер, много, в частности, сделавший для укрепления православия в Прибалтике. Это, однако, не помешало ему, человеку, всем сердцем любившему православие, сказать при встрече с инославными, что религиозные перегородки не доходят до небес. Да, как бы говорит он, перегородки есть, и мы их не можем не замечать. Но если наше духовное зрение будет более острым, то мы не сможем не увидеть, что небеса над всеми одни — без перегородок. И что, находясь в здравом уме и трезвой памяти, осознавая свою ответственность перед вступающими в жизнь поколениями, можно противопоставить такому мировосприятию?

Русский философ В. Соловьёв был убеждён в том, что «мировая задача состоит не в создании солидарности между каждым и всеми — она уже и так существует по природе вещей, а в полном сознании и затем духовном усвоении этой солидарности со стороны всех и каждого». Пока до такого духовного усвоения очень далеко. Но с чего-то надо начинать. С чего?

С раннего детства, пока ребёнка не успели заразить племенной ненавистью и свирепой религиозностью. Инаят Хан это хорошо понимает и чувствует. Именно поэтому он даёт ясное, ёмкое, доступное любому непредвзятому человеку и даже ребёнку определение этики: **«Этика — это доброжелательность, консолидирующая в великодушные».**

Как просто и в то же время невероятно трудно прививать её сегодня детям. **НО**